

Объективно говоря, Розелин была превосходным начальником. Она не только хорошо о них заботилась, но и мастерски их обучала. Вот только все же Эберхарду и Летиции приходилось с ней нелегко. И дело вовсе не в том, что она их непосредственный начальник, или в том, что ее положение, по сравнению с ними, выше. «Таинственная». Именно так описали бы исходящую от нее атмосферу, если бы захотели. А, как известно, обычные люди чувствуют себя некомфортно из-за вещей, которые трудны для полного понимания. То же и касалось этих двоих. Из-за искусного владения мечом Розелин и довольно необычного поведения они были обескуражены. Восхищались ли они ею, или в их глазах она выглядела непостижимой? Вряд ли можно точно сказать.

Эберхард, чья щека впечаталась в землю, бросил взгляд на стоящую Розелин. Розелин, в свою очередь, смотрела куда-то в сторону и, почувствовав на себе его взор, обернулась к юноше. Когда их глаза встретились, Розелин резко схватила его за ворот формы и подняла, как кошка-мать, вцепившаяся за шкуру и куда-то унесшая. Вскоре и Летицию ждала подобная участь. Их трепещущие сердца и дрожащие ноги слегка успокоились. Розелин стряхнула грязь с одежды Эберхарда и Летиции. Двое с застывшим положением покорно приняли жест начальника. Розелин также смахнула пыль с ягодич Эберхарда. Шлеп-шлеп. Ее грубые руки неумолимо шевелились. Его ягодичы покрылись слоем пыли, потому руки Розелин долго прикасались к ним. Эберхард смиренно паялся на своего начальника, Летиция отвернулась, не желая видеть просчет Розелин, а Каликс прикрыла глаза рукой, опираясь на стену. Это была обычная, но на некоторое время позабытая головная боль.

Эберхард проглотил улыбку на своем онемевшем лице. Таинственная и неведанная аура, окутывающая Розелин, была подавлена ее едва ощутимой нежностью. Быть может, поэтому, когда рыцари-ученики расспрашивали о Розелин, им неловко говорили: «Эм...ну..полагаю, она неплохой человек?» Меж тем Летиция отвечала: «Ох! Дама Розелин - прекрасный человек! Она очень хороший человек...» Она оценивала, испытывая толику стыда. Но в любом случае, больше не перекидываясь словами, они пришли к выводу, что она хороший человек.

Загадочный, но добросердечный начальник приводил в нормальный вид своих учеников. Эберхард и Летиция отдали ей честь и направились на тренировочный плац. Их походка была очень бодрой, словно им была нестрашна никакая смерть. Каликс, смотря на две спины, спустился со стены. Его выражение было странное: он не грустил и не улыбался.

—Сестра. К другим, особенно противоположному полу...вы не должны столь безрассудно прикасаться к частям телам мужчины.

Минуло много времени, как она слышала брюзжание Каликса. Это давало ей ощущение безопасности, как тогда, в поместье Рэдкартвил, где «оно» приобрело человеческую форму и впервые пустило корни.

—Я к нему не прикасалась.

Не прикасалась. Разумеется, выражение «касание» не подходило для описания непристойного смахивания грязи. Но что, если сказать «ударил»? Вы ударили? Однозначно ответ последовал бы тот же. Посему Каликс просто изменил слова: «Так или иначе, вы не должны к нему

прикасаться». Он хотел примолвить «особенно к ягодицам», однако, как ни странно, впал в смущение, и потому слова так и остались на неподвижных устах. Розелин, казалось, вновь переиначивала смысл, но все же кивнула, тем самым успокоив тревожный разум Каликса.

Пара людей предалась беседе, беззаботно шагая вдоль широкой цветочной клумбы. Они расстались всего около месяца назад, но с тех пор многое произошло. Даже если на какой-то час отвести взгляд от сестры, с ней точно да что-нибудь приключалось. Минул целый месяц, потому явно все не могло пройти без сучка и задоринки. Розелин с бездушным лицом постоянно шевелила губами. Слабая и насыщенная атмосфера цветущего сада нежно ее окутала. Она сильно отличалась от себя прежней: что в речи, что в поведении. Но даже с ее невыразительным лицом она согревала все вокруг себя.

Возле нее порхали белоснежные бабочки. Розелин продолжала говорить, даже когда в ее волосах запутывались лепестки или на них ютились прелестные мотыльки. Лишь от одних ее слов внутри него защекотало. То, о чем говорила Розелин, совпадало с содержимым из отправленных писем. Но Каликс охотно отвечал и внимательно слушал. «Рэймонд угостил печеньем, а еще макаронами. Я сражалась с младшим рыцарем, потом его побила и все-таки победила. Он, к слову, попал в больницу. И когда я встретила его высочество Рикардиса, мое сердце забилося быстрее».

«Почему? Почему в груди бурлило и клокотало?» Спокойно спрашивала Розелин. Каликс с напряженным видом лишь бросил: «Кто знает?» Впервые прозвучал неискренний ответ, который она от него услышала. Затем добавил: «Если при встрече с его высочеством Рикардисом ваше сердце вновь забьется быстрее, вам не стоит придавать этому значение».

По мере продвижения ее рассказ достиг момента победы над убийцами. Глаза Каликса тотчас заискрились. Ее голос стал тише, контрастируя с жестокой историей. Каликс приблизил лицо.

—Убийцы?

—Угу. Я всех их поймала.

Ее бесчувственное лицо переполнялось гордостью. Она выпятила грудь, как кошка, поймавшая воробья в особняке Рэдкартвил.

—Почему вы не упомянули об этом в письмах?

—Я писала, но....

‘Но их конфисковали’. В замке Лунного камня строжайшая охрана применялась не только к людям, но и к вещам и документам. Письма могли приходиться и отправляться исключительно после проверки содержимого. Разумеется, был тот, кто проверял письма Розелин, посему естественно, что любой контекст, связанный с происходящим внутри Лунного замка или безопасностью второго принца, запрещали выносить за пределы. Из-за письма, в ком

упоминалась победа над двумя убийцами, Розелин была вызвана и отчитана Иссероной, секретарем второго принца.

«Принадлежа семье Рэдкартвил, поддерживающей первого принца, эта женщина собирается поведать о делах второго принца тем, в чьих жилах течет та же кровь? Я немедленно выброшу эту писанину!» Именно такое Иссероной принял решение и ее позвал...

[Написание нечто подобного поставит вас в трудное положение, дама Розелин.]

[Что вы имеете в виду?]

[Если мои глаза не ошибаются, там упоминается, что вы расправились с несколькими убийцами. Разве вы не понимаете, в чем кроется проблема?]

В ответ на строгие слова Иссероной Розелин спросила с невыразительным лицом: «Тогда можно будет отправить, если написать, что убийцы - плохие люди?» Иссероной умолк. В то время его глаза смотрели будто на человека, укутанного в теплую зимнюю одежду летом. Что с ней? Она с ума сошла? Это были лишь некоторые из его многочисленных сомнений.

Он перечитал письмо Розелин. Письмо состояло из словарного запаса восьмилетнего дитя, худо-бедная орфография хромала, а почерк и вовсе был корявым, будто ребенок что-то начеркал. Ему было известно, что она только потеряла память...но он не подозревал, что воспоминания за последнее десятилетие также канула в небытие. Гнев Иссероной смягчился чувством жалости к утраченным годам Розелин. Его светло-сиреневые глаза наполнились состраданием.

[Нет.]

Но несмотря на сострадание — это недопустимо.

С тех пор Розелин выражала убийц разнообразными способами: человек в черном, человек, напавший на его высочество, человек с ядом. И всякий раз ее вызывал секретарь. Теперь до Каликса дошло непонятное содержимое. Каликс про себя рыдал и горестно плакал. Невозможно отправить важную информацию, связанную с безопасностью принца. Он забыл основы, потому что беспокоился только о своей сестре.

Множество ее заслуг, не упомянутых в письмах, были поистине превосходными. «Это я», — Розелин подняла левую руку. И следом подняла правую, объясняя, что «это убийца». Ее левая рука быстро двинулась, расправляясь с правой. «Я вот так его схватила, а потом вот так. И вот так». Она постепенно объясняла, как расправлялась с одним за другими схваченными убийцами, когда охраняла второго принца.

Быть может, сейчас это и выглядит простой задачей, но убийцы Черной Луны славятся

скрытностью и силой. В случае «прежней» Розелин ей было бы подобное не под силу. Даже если бы она вернулась живой, пережив трагедию, высока вероятность того, что она бы скончалась в этом замке.

Причина, по которой Каликс отправился в далекий имперский замок, была проста: он хотел ее остановить. Он хотел ее вразумить: «Перестаньте идти тропой, полной тягот и испытаний». Судьба рыцаря — получить ранения и умереть. Вот только семье трудно все это принять. Кем бы ни была Розелин, сейчас она его любимая сестра.

Однако после долгого с ней общения он заметил, что она может бесшумно взобраться на стену высотой с дерево, учуять злобу и с первого взгляда узнать человека, нацепившего чужую кожу. Этим тонким лезвием могла разрубить все, что перед ней, будь то камень или сталь — не столь важно, главное — воля.

Когда Розелин напала на рыцарей-учеников, в голове Каликса что-то вдребезги разлетелось. Он кое-что позабыл, пока они находились порознь. Розелин наделена могучей силой. Настолько, что способна голыми руками свернуть шею взрослому мужику. Возможно, причина его беспокойство в том, что она «Розелин». Потому что Розелин — его сестра. Его единственная и драгоценная—

—Сестра.

Левая рука Розелин все еще угнетала правую разными способами. Каликс сжал ее левое запястье своим. Розелин вздохнула и, ощущая нахлынувшее тепло, взглянула.

—Вы должны вернуться целой и невредимой. Сестра, я подготовлю вашу любимую еду и буду вас ждать.

<http://tl.rulate.ru/book/58521/2139872>